

ЗАГАДКА „ВЕЛИКОГО МУЖА“

А. В. ПОПОВ

В 1864 году Варвара Дмитриевна Арнольди, вдова приятеля Лермонтова Л. И. Арнольди, подарила известному собирателю А. Д. Черткову собственноручные бумаги поэта, доставшиеся ее покойному мужу от А. П. Шан-Гирея. Эта тетрадь содержит в себе автографы ряда произведений Лермонтова. Все автографы не датированы. Подавляющее большинство произведений, автографы которых были переданы Черткову, было написано, судя по их публикациям, в 1837 году и позже.

Эта тетрадь автографов Лермонтова, получившая название «тетради Чертковской библиотеки», в настоящее время хранится в отделе рукописей Государственного исторического музея в Москве.

На 64-м листе (по новой нумерации на 65-м) находится автограф стихотворения, которое в последние годы является предметом ожесточенных споров наших лермонтоведов. Вот это стихотворение, впервые опубликованное в 1875 году П. А. Ефремовым:

Великий муж! Здесь нет награды,
Достойной доблести твоей —
Ее на небе сыщут взгляды
И не найдут среди людей.
Не беспристрастное преданье
Твой славный подвиг сохранит,
И, услышав твое названье,
Твой сын душою закипит.
Свершит блистательную тризну
Потомок поздний над тобой
И с непритворною слезой
Промолвит: «Он любил отчизну».

От листа, на котором написано это стихотворение, оторвана верхняя часть, содержащая, по видимому, первую строфу, а, возможно, и имя «великого мужа», к которому обращено это произведение.

Первым обратил внимание на это стихотворение Б. М. Эйхенбаум.

«По тексту стихотворения видно,— писал в 1936 году Б. М. Эйхенбаум,— что речь идет о человеке, который совершил какой-то нравственный подвиг, но не получил никакой награды, а, наоборот, был обвинен современниками в нелюбви к отечеству или в измене ему. При этом стихотворение явно обращено к живому, а не к умершему».

Исследуя вопрос, кому посвящено это стихотворение, Б. М. Эйхенбаум приходит к выводу, что «великий муж» — это П. Я. Чаадаев, автор знаменитого «Философического письма», потрясшего в 1836 году Россию. Как известно, «Философическое письмо» Чаадаева вызвало чудовищные репрессии со стороны Николая I и его клеветников. Чаадаева обвинили в том, что он ненавидит Россию. Автор «Философического письма» официально был объявлен сумасшедшим. В ответ на это Чаадаев написал свою «Апологию сумасшедшего». Лермонтов, по утверждению Б. М. Эйхенбаума, был идейно близок Чаадаеву.

«Стихотворение Лермонтова, — заключает Б. М. Эйхенбаум свои разыскания о «великом муже»,— обращено к Чаадаеву и написано в ответ на обвинения его в ненависти к России. Заключительные слова стихотворения («он любил отчизну!») приобретают полный смысл именно как ответ на эти обвинения и на «Апологию сумасшедшего». Надо полагать поэтому, что стихотворение было написано в конце 1836 или в самом начале 1837 года — во всяком случае до дуэли и смерти Пушкина. Вероятно, что верхняя часть листа, на котором оно написано, оторвана не случайно, а с целью зашифровать его для посторонних лиц».

Два года спустя, Андроников убедительно доказал, что гипотеза Б. М. Эйхенбаума не подтверждается материалами из жизни Лермонтова. Идейная близость поэта к Чаадаеву, по мнению И. А. Андроникова, противоречит представлениям о Лермонтове как о художнике, близком к кругу Белинского. Отмечая, что исторические взгляды Чаадаева прямо противоположны взглядам Лермонтова и Белинского на историческое прошлое России, Андроников, привлекая такие произведения поэта, как «Бородино» и «Песнь про царя Ивана Васильевича»... связывает спор о «великом муже» с Отечественной войной 1812 года. По его мнению, лермонтовское стихотворение о «великом муже» вызвано полемикой тридцатых годов вокруг Барклая де-Толли, возбужденной стихотворением Пушкина «Полководец». Анонимное изображение «великого мужа» есть не что иное, как художественный портрет

Баркляя де-Толли — истинного русского патриота и храброго русского генерала, до последнего вздоха преданного России.

«Оскорбленный клеветами, одинокий, Барклай и после смерти остался неоцененным и непонятым, — категорически утверждает И. А. Андроников. — Эта трагическая личность оказывалась родственной героям лермонтовской поэзии — отверженным, одиноким, умирающим «в холодном и гордом молчании». И весьма возможно, что в атмосфере оживленных споров об историческом и политическом значении событий Отечественной войны Лермонтов в своем обращении к «великому мужу» выступил в защиту непонятого «толпой» героя».

Полную несостоятельность гипотезы Андроникова основательно раскрыл и показал в 1951 году Е. В. Тарле.

«Во-первых,— писал почтенный исследователь,— спор вокруг имени Баркляя, возбужденный пушкинским стихотворением «Полководец», едва ли мог внушить Лермонтову столько горечи и волнения. Пушкин и в стихах и в прозе уже успел исчерпывающе полно выяснить свое воззрение на роль Баркляя и утвердить решающую роль Кутузова и тем покончил со всеми недоумениями. Во-вторых, вовсе не был забыт и отвергнут Барклай, возвеличенный сверх меры Александром. Скромный остзеец, ставший военным министром, князем и фельдмаршалом, был щедро осыпан почестями и царскими милостями».

В последние годы было выдвинуто предположение, что за «великим мужем» скрывается П. И. Пестель или К. Ф. Рылеев.

«Может быть и в самом деле,— справедливо замечает Е. В. Тарле,— трагически погибший революционер здесь более правдоподобен, чем пессимистический писатель-философ Чаадаев и чем фельдмаршал Барклай?»

Но Пестель и Рылеев были казнены Николаем I в 1825 году, а стихотворение Лермонтова, как это бесспорно установлено Б. М. Эйхенбаумом, явно обращено к живому, а не к умершему. Следовательно, лермонтовского «великого мужа» надо искать среди живых современников поэта, совершивших нравственный подвиг и не оцененных по достоинству окружающими.

Для правильного решения этого вопроса прежде всего следует установить точную дату создания стихотворения «Великий муж». До сих пор оно, исходя из гипотезы Б. М. Эйхенбаума, произвольно датируется 1836 годом. Между тем, из 32 произведений, отрывков, набросков и писем, составляющих тетрадь Чертковской библиотеки, 25 написано в 1837 году или позже (сюда входят

отрывки из поэмы «Боярин Орша», связанные с работой Лермонтова над «Мцыри», или стихотворение «Желание», представляющее первую редакцию «Узника»). «Великий муж» помещен тридцатым по счету после таких, написанных в первой ссылке и после нее, произведений, как «Кинжал», «Спеша на север из далека», «Памяти А. И. Одоевского», «Беглец», «Поэт» и др. «Великому мужу» предшествуют написанные бесспорно в 1837 году, после высылки на Кавказ, стихотворения «Я не хочу, чтоб свет узнал» и «Не смейся над моей пророческой тоскою». Всё это властно говорит нам о том, что интересующее нас стихотворение «Великий муж» написано не в 1836 году, а в 1837 году на Кавказе или позже, после возвращения Лермонтова из первой ссылки.

К кому же обращается Лермонтов в своем стихотворении «Великий муж»?

Тщательное изучение этого вопроса невольно приводит к выводу, что в стихотворении «Великий муж» Лермонтов обращался к Павлу Александровичу Катенину.

Лермонтову хорошо был известен нравственный подвиг Катенина, в прошлом блестящего гвардейского офицера-преображенца, отличившегося в кампании 1812 года в боях при Бородине, Люцене, Кульме и Лейпциге. Катенин был первенствующим членом Союза Спасения, о чем Лермонтову должно было быть известно еще в конце тридцатых годов от С. Е. Раича, бывшего участника Союза Благоденствия, преподавателя университетского благородного пансиона. Стихотворение Катенина «Отечество наше страдает» получило широкое распространение в декабристской среде и стало революционным гимном. Это произведение Катенина Лермонтов мог слышать не только от своего учителя Раича, поощрявшего своего ученика в его увлечении поэзией, но и от своего родственника, родного брата бабушки Е. А. Арсеньевой Д. А. Столыпина, известного своей дружбой с П. И. Пестелем и декабристами. Д. А. Столыпин скоропостижно скончался при весьма загадочных обстоятельствах в своем имении Середникове во время арестов после 14 декабря 1825 года. Возможно, что написанное Лермонтовым во время пребывания в университетском благородном пансионе стихотворение «Жалобы турка» всяко связано с декабристским гимном Катенина.

Лермонтов не мог не знать дальнейшей судьбы Катенина: его неожиданной отставки «по высочайшему повелению» в 1820 году, а затем и ссылки в деревню с запрещением въезда в обе столицы.

Воспитанники университетского благородного пансиона жили напряженной литературной жизнью. В пансионе издавались рукописные журналы, поэт и переводчик Раич руководил литературным кружком и Обществом любителей отечественной словесности, в работе которых юный Лермонтов принимал активное участие. Незадолго до поступления Лермонтова в пансион вышла в свет трагедия Катенина «Андромаха», жестоко раскритикованная в 1828 году в печати Н. А. Полевым и И. С. Шевыревым. Конечно, и трагедия Катенина, и статьи Полевого и Шевырева в «Московском телеграфе» и в «Московском вестнике» (Раич в это время был особенно близок с Шевыревым) были предметом обсуждения в литературной среде воспитанников пансиона и вызвали известный интерес к автору «Андромахи» и его произведениям. Этот интерес к Катенину и его произведениям рос на благодарной почве, в пансионе свято хранилась память о казненных декабристах. Здесь в недалеком прошлом учились Каховский, Бурцов, Вадковский, Вальховский, Кривцов, Якубович, Черкасов и др.

Отголоски лермонтовского знакомства с Катениным встречаются в его одиннадцатой тетради, хранящейся ныне в Пушкинском доме Академии наук СССР, где находятся среди прочих автографов заметки, планы, сюжеты, относящиеся к 1831 году. Среди планов и сюжетов юного Лермонтова находятся: план трагедии «Марий из Плутарха», четвертый акт которого начинается с появления вождя демократической партии Цинны в Риме и сюжет поэмы о Мстиславе Черном. Планы этих неосуществленных произведений в какой-то мере связаны с широко известными в то время произведениями Катенина «Отрывок из Корнелева «Цинны» и «Песнь о первом сражении русских с татарами на реке Калке под предводительством князя Галицкого Мстислава Мстиславовича Храброго».

Интерес Лермонтова к театру, обнаруженный им еще в университетском благородном пансионе, достигает большой силы во время обучения его в Московском университете. Захваченный работой над драматическими произведениями «Люди и страсти» и «Станный человек», Лермонтов не мог пройти мимо драматических произведений Катенина как оригинальных, так и переводных.

В 1832 году вышли из печати «Сочинения и переводы в стихах Павла Катенина», встреченные критикой очень сдержанно. Авторы немногочисленных критических статей рассматривали Катенина как писателя, давно сошедшего с лите-

ратурной арены. Пушкин решительно выступил в защиту Катенина.

На страницах распространенной газеты «Литературные прибавления к «Русскому инвалиду» великий русский поэт писал о Катенине: «Никогда не старался он угождать господствующему вкусу в публике, напротив: шел всегда своим путем, творя для самого себя, что и как ему было угодно. Он даже до того простер сию гордую независимость, что оставлял одну отрасль поэзии, как скоро становилась она модною, и удалялся туда, куда не сопровождали его ни пристрастие толпы, ни образцы какого-нибудь писателя, увлекающего за собой других. Таким образом был одним из первых апологетов романтизма и первый введши в круг возвышенной поэзии язык и предметы простонародные, он первый отрекся от романтизма и обратился к классическим идолам, когда читающей публике начала нравиться новизна литературного преобразования». Лермонтов, живший в это время большими литературными интересами, не мог пройти мимо этой пушкинской оценки творчества Катенина.

В дальнейшем Лермонтов читал сказку Катенина «Княгиня Милуша», вышедшую отдельным изданием в 1834 году, ряд стихов и поэму «Инвалид Горев», опубликованную в «Библиотеке для чтения» в 1836 году. «Инвалид Горев» поразили современников реализмом и народностью.

На Кавказе, в Ставрополе, Лермонтов от П. И. Петрова, который, как об этом говорилось выше, был дружен с Катениным, узнал подробнее историю автора «Инвалида Горева». В 1833 году Катенин был снова принят на военную службу и определен в седьмой Эриванский карабинерный полк, входивший в состав войск Отдельного Кавказского корпуса. В 1834 году Катенин был назначен командиром отряда, направленного на правый фланг Кавказской линии «в продолжительный поход». Однако в конце августа, вследствие происков командира полка князя Дадияни, донесшего по начальству «о дурном поведении Катенина», был отстранен от командования отрядом и отправлен в распоряжение командующего войсками Кавказской линии и Черноморья генерала Вельяминова. В Ставрополе Катенин близко сошелся с родственником Лермонтова П. И. Петровым. «Лучший по мне из всех здешних» — так аттестовал Катенин Петрова в переписке со своими друзьями. Командующий войсками Кавказской линии генерал Вельяминов принял самое живое и теплое участие в судьбе опального гвардейца. В конце августа 1835 года Катенин принял участие в экспедиции за Кубань, в составе отряда генерала Вельяминова. В начале января 1836 года Катенин тяжело

заболел. 24 июля 1836 года в Москве был подписан приказ о назначении полковника Катенина комендантом Кизлярской крепости. Так герой войны 1812 года, друг Пушкина и Грибоедова, один из передовых людей своего времени, очутился в Кизляре.

Как уже сообщалось выше, Лермонтов в начале мая 1837 года прибыл в Кизляр. Как офицер, следовавший по Терской линии в полк, Лермонтов обязан был явиться к коменданту Кизлярской крепости и начальнику Терской линии полковнику Катенину. Весьма вероятно, что Петров предупредил нарочным Катенина о предстоящем прибытии в Кизляр своего родственника прапорщика Нижегородского драгунского полка Лермонтова, сосланного на Кавказ за стихотворение «Смерть поэта». Возможно, что Лермонтов прибыл в Кизляр в сопровождении своего родича Хастатова, служившего адъютантом начальника штаба войск Кавказской линии и Черноморья. Хастатов был сослуживцем Катенина по штабу войск Кавказской линии и был лично знаком с последним через Петрова.

Стихотворение Лермонтова на смерть Пушкина и обстоятельства ссылки молодого поэта на Кавказ были хорошо известны Катенину. Уже в марте 1837 года мятежные стихи Лермонтова были широко распространены на Кавказе в большом количестве списков. Из уст в уста пе-

редавались также рассказы о жестокой расправе Николая I с молодым поэтом.

Катенин и Лермонтов должны были искать встречи друг с другом.

И эта встреча состоялась в Кизляре в 1837 году. Неоспоримым доказательством этой встречи является стихотворение Лермонтова «Великий муж».

Катенин, живший в Кизляре очень скромно на свое небольшое комендантское жалованье, был для Лермонтова «великим мужем», чьи неоспоримые подвиги не были по достоинству оценены современниками. Лермонтов восхищался гражданской доблестью Катенина, пронесшего сквозь всю свою жизнь, несмотря на ссылки и гонения царских властей, неукротимую ненависть к самодержавию и деспотизму, верность своим декабристским, освободительным идеалам. Лермонтов, веривший в великое будущее России, был твердо убежден, что история сохранит славный подвиг Катенина, и благодарное потомство скажет о Катенине: «Он любил отчизну!»

Желая оградить себя от неприятных последствий любопытства людей «в красных и черных воротниках», Лермонтов вынужден был оторвать верхнюю часть листа, на котором было написано это стихотворение, ибо там значилось имя Катенина.

Так было безопаснее и для него, и для Катенина...